

УДК 1: 316.3–058.237

А. А. Трофимов

Европейский университет (г. Киев)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.**

В статье автор анализирует трансформацию понятия "интеллигенция" в постсоветском пространстве, когда вместе с распадом Советского Союза переставал существовать традиционный подход не только к интеллигенции, но и к самому слову, определяющему класс образованных людей.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллеktуал, трансформация.

Изучение социальных структуры посткоммунистических обществ не случайно привлекает огромное внимание философов, историков, социологов и политологов. Исчезновение определенных социальных слоев на переломе эпох – не исключение, а скорее закон трансформации социальных систем. С одной стороны, перемены отражают социальные результаты институциональных реформ, а с другой, предопределяют способность общества к дальнейшим социальным переменам.

Современная Украина как раз лежит в плоскости посткоммунистической модернизации и на примере рассмотрения понятия «интеллигенция», нам интересно было бы проследить, как происходят изменения в социальной реальности. **Целью** статьи является стремление показать, как при переходе от одних социальных систем к другим, от одних типов обществ к другим трансформируется не только слово интеллигенция, но те, кто за ним имется в виду. **Задачи:** охарактеризовать современное положение интеллигенции; рассмотреть подходы отечественных авторов к интеллигенции; показать, как термин интеллигенция адаптируется на территории современной Украины. **Объектом** статьи является интеллигенция. **Предметом** – различные подходы к интересующей нас социальной группе.

Сегодня продолжают разговоры на тему ухода отечественной интеллигенции. Считается, что уходят образцы старой интеллигенции, которые были общепризнанными среди основной массы населения, и вместе с ними устаревает и растворяется само слово. Можно предположить, что в подобном постулате доминирует позднесоветское понимание интеллигенции как группы высокообразованных людей претендующих на определенный моральный авторитет и особую политическую роль, отличную от власти и общества (народа). Потому как традиционно, еще со времен существования Советского Союза, к образцами интеллигенции относили: 1) интеллигенцию как отдельных людей и 2) интеллигенцию как социальный слой населения, входящих в состав «социальной стратификации».

Интерес к интеллигенции постоянно поддерживается плюрализмом мнений и интерпретаций на протяжении всего существования этого слова. Различные, иногда прямо противоречащие друг другу определения

«интеллигенции» говорят нам о том, что они скорее использовались в большей степени для практических целей обслуживания различных групповых интересов, чем для прояснения сущности вопроса. Отнесение каких-то социальных элементов или отдельных персон к интеллигенции или исключение из нее было и остается актом, в котором присутствует ценностная составляющая. Проблема заключается в том, что определению «интеллигенции» существует огромное множество. Терминологическая непроясненность порой приводит к тому, что социальную группу, которую мы привычно обозначаем «интеллигенцией», отдельные исследователи обнаруживают практически на всем протяжении мировой истории, прямо или косвенно утверждая мысль о ее вневременном характере. Можем себе позволить небольшой историко-философский экскурс, в период возникновения «интеллигенции».

Как философская категория в различных смысловых вариациях «интеллигенция» широко используется в немецкой классической философии (у И. Канта, но особенно широко у Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г.Ф. Гегеля), что, безусловно, оказало огромное влияние на формирование и дискуссии русской интеллигенции XIX века.

Дело в том, что «интеллигенцией» Ф. Шеллинг называет то состояние практического разума, когда он становится самостоятельной реальностью. А точнее речь идет о процессе становления такой реальности, когда природа уже не столько материал для реализации нравственной цели, а форма бессознательной жизни разума, как целесообразное целое. Слово «интеллигенция» было омонимично философско-психологической категории, используемой для наименования духовной способности к абстракции.

Как известно, еще со времен платонизма в поле философского анализа вошел термин «интелигибельность», который обозначал постигаемость объекта только умом, и недоступность этого постижения, чувственному познанию. Если бы не И. Кант и его размышления по поводу практического разума, можно было бы сказать, что быть «интеллигентным» – это заявить «гибель» чувствам. А вот для И. Канта феномен «интеллигентности» служил основанием для морального действия. И хотя для него даже «свобода» была представлена только как умопостигаемое, мы решаемся позволить себе обнаружить здесь одно из очевидных противоречий. Так в своем ответе на вопрос. «Что такое просвещение?», И. Кант еще в 1784-ом году отмечает: «...меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности. И так как природа открыла под этой твердой оболочкой зародыш, о котором она сама нежным образом заботится, а именно – склонность и призвание к свободе мысли, то этот зародыш сам воздействует на образ чувствования народа (благодаря чему народ становится более способным к свободе действия)» [6, 35].

Дело в том, что у самого И. Канта даже «свобода духа» необходимо связана с «моральным интересом». Так в своей Антропологии, размышляя о способе познавать как внутреннее, так и внешнее в человеке и задумываясь о причинах усиления или ослабления чувственных ощущений, он справедливо отличает: «Проповедник начинает с холодных наставлений рассудка, направляющих внимание на понятие о долге, затем в разбор своих текстов вносит моральный интерес и в заключение приводит в движение все пружины человеческой души посредством ощущений, которые придают вес этому моральному интересу» [6, 42–43].

Что же касается отечественной истории мысли, то слово «интеллигенция», в смысле близком к современному, появляется в русском языке начиная с середины 60-х годов XIX столетия. В. Даль помещает это слово во втором издании своего «Толкового словаря», объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [5, 46]. Прилагательного «интеллигентный», существительное «интеллигент» В. Даль не указывает, очевидно что данные слова в этот период еще не получили распространения.

Большинство исследователей сходятся в том, что интеллигенция, как социальное образование, могла сформироваться в России во второй половине XIX века. Первым поколением – были «люди 40-х», и состояли в основном из дворян и выходцев из состоятельных слоев, в то время как второе поколение, сложившиеся в 60-е, – было поколением «детей» – и включало представителей разных социальных слоев («разночинцы» и проч.). [4, 27]. По мнению филолога В. Виноградова социальное значение слова было заимствовано из польского языка [3], при этом в русском языке социальное значение слова интеллигенция полностью вытеснило прежнее «философское» значение.

Понятие «интеллигентность», как в российском, так и в украинском опыте, в отличие от западного понимания «интеллектуальности», обязательно включает и несёт в себе именно «моральный интерес». Мы имеем ввиду то, что подчеркивал в своей книге «История свободы» английский мыслитель И. Берлин. «Интеллигенция – русское слово, оно придумано в XIX веке и обрело с тех пор общемировое значение» [2, 9].

Автор особо отмечает, «Не следует путать интеллигенцию с интеллектуалами. Принадлежащие к первой считают, что связаны не просто интересами или идеями они видят себя посвященными в некий ореол, как бы, пастырями в миру, назначенные нести особое понимание жизни, своего рода новое Евангелие» [2, 9]. Помимо И. Берлина о русском происхождении феномена интеллигенции говорили (и продолжают говорить) многие российские мыслители (начиная с Н. Бердяева, заканчивая Д. Лихачевым).

Само слово «интеллектуал» стало активно проникать на территорию постсоветского пространства, начиная с 90-х гг. XX века. Появление оно говорит нам о том, что возникла потребность в категории для обозначения

нового явления. На первый взгляд, слова «интеллигенция» и «интеллектуалы» обозначает одну и ту же группу людей занятых умственной деятельностью, но поскольку первое слово имеет свою русскую (общую с украинской) историей, слово «интеллектуалы» обречено находится в поле напряжения отечественного слова.

Сегодня можно найти авторов, которые сознательно отказываются в различении терминов «интеллигенция»/«интеллектуал». К таким относятся редактор научного журнала «Логос» В. Куренной. Исследователь видит «разложение сложного комплекса поведенческих установок, идейных пристрастий и компетенций в сфере знания» [7, 9.]. Куренной имеет ввиду ту ситуацию, когда из слоя полупрофессионалов и полузнаек формируется слой профессионалов-обществоведов. «Таким образом из прежнего единого комплекса начинает выделяться роль «политического идеолога», «эксперта», «журналиста», и, конечно же «интеллектуала», – пишет он [7, 10.].

На Западе у слова «интеллектуал» безусловно, есть собственная история и слово «интеллигенция» там фактически не употребляется. Разве что в описании социальной структуры России или постсоветского пространства.

Современный немецкий философ Ю. Хабермас задается вопросом «Что отличает интеллектуала»? Считая, что проблема интеллигенции открывает новый раунд рефлексии для современных исследований этого феномена, автор сравнивает два образа интеллектуалов – германский и французский. Первый, по его мнению, восходит к поколению после Гёте и Гегеля. Когда «беспокойная литература и приват-доценты из числа младогегельянцев способствовали складыванию образа свободно парящего, спонтанно вмешивающегося, зачастую сентиментального, взволнованно полемизирующего и непредсказуемого интеллектуала» [12, 10–11].

Французский же вариант, по мнению Ю. Хабермаса, принадлежит к либеральному наследию Великой французской революции. Когда «обозначилась та констелляция, в которой суждено было найти своё место типу современного интеллектуала» [12, 10–11]. Из сопоставления этих двух европейских образов вырисовывается не только иронический вывод о том, что мы регулярно наблюдаем очередной период «ритуального плача по исчезающему типу интеллектуала», но и убежденность в том, что в нашем медийном обществе снова происходит структурное изменение публичной сферы, которое затрудняет существование классической фигуры «интеллектуала» [12, 10–11].

Похожую картину видит и французский философ М. Фуко в своей работе «Политическая функция интеллектуала». Он пишет о том, что раньше «быть интеллектуалом означало, в частности, быть всеобщей совестью», «учителем истины и справедливости» [11, 201]. Но, по мнению автора, наступил момент в истории, когда общество перестает обращаться к интеллектуалу как к моральному авторитету. Благодаря чему, произошло движение от универсального интеллектуала к интеллектуалу-специалисту.

Как мы можем видеть, и Ю. Хабермас и М. Фуко говорят об интеллектуале, который «сентиментален» и стремится «думать за всех», то становится очевидным что и на Западе есть свои «интеллигенты», которые также как и отечественные побратимы, радеют за нравственность и «стремятся быть всеобщей совестью». Безусловно, мы не можем говорить о полном тождестве этих двух понятий, но некоторая близость возможна. Также, вполне допустимо существование на Западе собственного *интеллектуального фольклора*, но это скорее предмет для отдельного исследования¹.

После развала Советского союза на территории всего постсоветского пространства происходили масштабные трансформации. И эти изменения касались не только интеллигенции. Во-первых, ушла партийно-советская номенклатура в том классическом облике, какой она имела в СССР: с ее всесилием, стилем управления. Ушло в прошлое и понятие "идеологическая работа", поскольку нет не только идеологических отделов партийных органов, но и самих этих органов. На их место пришли совсем другие «вертикали», совсем другие социальные структуры, организации. Во-вторых, исчез класс колхозного крестьянства в том его виде, каким он был вплоть до развала Союза.

Мы можем констатировать, существование публичной политики и демократических институтов в некотором смысле «убивает» интеллигенцию, в её традиционном понимании, как группу скованную одной моралью. Очевидно, что когда в стране нет общественного мнения и нет гражданского общества, как это было в XIX веке и значительное время века XX, его функции выполняет мнение интеллигенции. Но с приходом самосознания граждан, намечаются условия для реализации его частных интересов и потребностей.

В настоящее время, в связи с новыми политическими практиками и с распространением современного, в том числе политического образования *интеллигентское* делегирование прав неприемлемо. К примеру, в основе взаимоотношений между гражданином и партией существует механизм, который допускает возможность беспрепятственно делегировать права гражданина другой партии, обходя властителя дум и морального авторитета. Причем на современном этапе им общество не делегируют им этого авторитета.

Основными институтами, посредством которых удовлетворяются личные и групповые интересы, выступают политические партии, общественные организации, правовые нормы, свобода участия в выборах, собраниях и т.п.

На сегодняшнем этапе развития украинского общества, фундаментальную роль играет украинская национальная интеллигенция, которая анализирует национальную историческую память, гарантирующую преемственность поколений. Специфической чертой для

---

¹ Совпадение в разговоре об «интеллектуале» и «интеллигенте» есть в критике Ю. Хабермаса и М. Фуко левого интеллектуала, за желание последнего «быть единственным учителем истины».

української інтелігенції являється її стремление обозначить неразрывность независимой украинской мысли с предыдущими поколениями украинской культуры, как можно чётче указать на преемственность сегодняшних украинцев с *досоветской* Украиной.

Получение Украиной собственной независимости в 1992 году, подвигло страну к большим переменам, уже ничего не могло угрожать свободе представлений о собственной государственности. Своя забытая этноистория становилась альтернативой советской концепции истории Украины, а предложенные ею трактовки событий, процессов, выдающихся деятелей, новой исторической символики, – явились стержнем политических, идеологических и культурных матриц украинского национального движения.

На сегодняшний день, участием украинской интеллигенции интересуются на самом высоком уровне. Об это свидетельствует проведение в марте 2008 года «Конгресса украинской интеллигенции» под патронатом президента Украины и председательством И. Драча. Основной целью форума является обсуждение проекта Концепции гуманитарного развития Украины. А именно: «формирование нового качества жизни, создание общества знаний, поддержка социальной активности граждан и развитие гражданского общества, а также культурная и политическая консолидация украинцев как европейской нации» [9]. В то же время замена постсоветского слова «интеллигенция» на его западный аналог – «интеллектуалы», может свидетельствовать о том, что не только возникла потребность в категории обозначения нового явления, но, как можно догадаться, в самом употреблении слова «интеллектуал», для Украины осуществляется скорее предпочтение Европы нежели «русской» Азии (поскольку слово «интеллигенция» имеет богатую российскую историю) [1, 13–14].

Происходящие в Украине инновационные процессы требуют изменений ее отношения к интеллигенции. Власть, без ностальгии по национальному государству или *досоветской* Украине, должна осознать стоящие перед ней задачи и адекватно реагировать на современные вызовы окружающего мира. И если государство Украина станет рассматривать «интеллигенцию» по национальному признаку (в данном случае по её приверженности/симпатии к украинскому этносу), по тому, как та способна к «консолидации украинцев как европейской нации», то государство станет подталкивать другие этносы, населяющие территорию Украины, формировать собственную *национальную* интеллигенцию (русскую, крымско-татарскую и др.). А это, в свою очередь может негативно сказываться на внутреннем политическом и культурном климате страны.

Трудность в определении места интеллигенции в современном мире возникла не сегодня. Уже начиная с конца XIX века, можно было услышать в обществе диаметрально противоположные высказывания по поводу термина «интеллигенция» и тех, кого под ним подразумевали.

Для многих современных авторов, пишущих об интеллигенции, сохраняется постсоветская тенденция в обозначении интеллигента – как позиции, которая, как правило, тождественна морали. В таком случае новое слово «интеллектуал» автоматически несёт для многих авторов не интеллигентский характер, поскольку считается, что интеллектуал не озабочен проблемами нравственного содержания, он «просто выполняет свою работу». В общем понимании, «интеллигенция» постоянно находится в оппозиции к власти; к псевдоинтеллигентам и прочему; эти характеристики относящиеся к комплексу высказываний, касающихся интеллигенции сегодня, принято называть *интеллигентским фольклором*. К этому же комплексу можно отнести и такие высказывания как: «вина/ответственность интеллигенции перед народом»; «оппозиция к власти»; «высокие моральные ценности» и др.

Допустимо предположить, что в конце концов слово «интеллигент» останется с *интеллигентской* коннотацией, с её нравственными и высокоморальными характеристиками (о чем мечтал А. Солженицын с собственной концепцией *Образованщины* [10]; Д. Лихачев с представлениями о *подлинном* и *не подлинном* интеллигенте [8, 7]; и многие другие авторы). Под словом «интеллектуал» же будут подразумевать человека, занятого умственным трудом (менеджера, аналитика, эксперта и других) без особых притязаний на личную моральность каждого. Многие же из статей, посвященных интеллигенции являются лишь поводом для обсуждения социальных катаклизмов, ситуации в стране или в культуре. Когда авторы, пишут об интеллигенции, они, как правило, выстраивают собственную историю возникновения образованного слоя, беря за точку отсчета порой совершенно различные исторические факты и события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аймермахер К., Бордюгов Г. «Свое» и «чужое» прошлое или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах / К.Аймермахер, Г. Бордюгов // Материалы обсуждения на Международной научной конференции «Создание национальных историй» (15-16 сентября) 1998 г., Москва. – 1999. – С. 54–62.
2. Берлин И. Рождение русской интеллигенции // И. Берлин История свободы. Россия. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
3. Виноградов В. Интеллигенция. / Виноградов В.В. История слов. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wordhist.narod.ru/intelligencija.html#snoska104>
4. Вихавайнен Т. Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Вихавайнен Т. – СПб.: Коло, 2004. – 416 с.
5. см. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.-М.: Вольф, 1881, Т.2, – 807 с
6. Кант И. Критика практического разума / И. Кант // Кант И. Соч. : в 6 т. – М. : Наука, 1964. Т 4, часть I. – 544 с.
7. Куренной В. Интеллектуалы // Куренной В. Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. – М. : Наследие Евразии, 2006. – 388 с.

8. Лихачев Д. Об интеллигенции (Примечание к альманаху «Канун», выпуск №2). / Лихачев Д. – СПб. : Канун, 1997. – 218 с.
9. Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко. Участие во Всеукраинском форуме интеллигенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/news/9406.html> Солженицын А. Образованщина // Из-под глыб. Сборник Статей. – М. : Русская книга, 1992. – С. 187–222.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Фуко М. – М.: Праксис, 2002. – Ч. 1. – 384 с.
11. Хабермас Ю. Что отличает интеллектуала? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре №3 [047]. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 5–14.

РЕЗЮМЕ

А. О. Трофімов. Трансформація поняття інтелігенція у пострадянському просторі.

У статті автор аналізує трансформацію поняття «інтелігенції» в пострадянському просторі, коли разом з розпадом Радянському союзу перестав існувати традиційний підхід не тільки до інтелігенції, але й до самого слова що визначає клас досвідчених людей.

Ключові слова: інтелігенція, інтелектуали, трансформація.

SUMMARY

A. A. Trofimov. Transformation of the Concept of the "Intelligenciya" in the Post-Soviet Territory.

In this article the author analyzes the transformation of the concept of the "intelligenciya" in the post-Soviet territory, as with the breakdown of the Soviet union the traditional approach ceased to exist not only to the intelligenciya itself, but also to the word, defining a class of well-educated people.

Keywords: intelligenciya, an intellectual, transformation